

ВОЙНА И ГЕРОЙ

— Вячеслав Леонидович, почему вы так поздно пришли в литературу? Как, будучи уже в зрелом возрасте, вам удалось обрести свое второе призвание?

— После войны у меня была мысль поступить в Литературный институт, но удержало то, что я чувствовал, что не смогу еще написать о войне так, как пишут. Кроме того, было какое-то святое отношение к литературе. И вот в конце 50-х годов вышла повесть Г. Бакланова «Пядь земли», которая буквально потрясла меня — сразу вспомнил «свою» войну. В то время я много читал военной прозы, искал, но не находил в ней «своей» войны. Тогда и решил, что написать об этом смогу только я сам. Мне кажется, что писатель состоит не только тогда, когда он поймет, что это не профессия, а долг, обязанность. Надо прежде всего понять, чем интересна для других твоя жизнь, биография твоего поколения. Должно быть ощущение, что ты пишешь такое, чего нигде еще не было, что это только ты можешь сказать.

— Кто из военных прозаиков наиболее близок вам?

— Прежде всего, В. Быков. Близок по жесткости, графике. У него нет ничего лишнего, блестящая конструкция. Далее, В. Астафьев, Г. Бакланов, К. Воробьев, Ю. Бондарев, хотя его последние вещи мне не нравятся.

Имя писателя Вячеслава Кондратьева сегодня широко известно. Его творчеству посвятила свое дипломное сочинение выпускница историко-филологического факультета Горьковского университета ИРИНА ИВАНОВА. Она же беседовала с писателем во время своей работы над дипломом. Запись этой беседы мы предлагаем вниманию наших читателей.

— Что вы думаете о дальнейшем пути развития современной военной прозы? Согласны ли вы с мнением некоторых критиков, что сейчас начинается новый ее этап?

— Вы знаете, я не вижу оснований для такого утверждения. Просто сейчас у нас появились новые возможности для публикации, новые документы, воссоздающие более полную картину о войне. Сейчас стал значительным буквально каждый кусочек войны. И дальнейшее развитие военной прозы пойдет, мне кажется, по пути углубления этой правды. Все меньше остается нас, переживших войну, и поэтому мы обязаны писать, пока есть силы. Вы можете прочитать, сколько пушек било по Берлину, но что чувствовали люди, могут рассказать только участники войны. А у каждого из них была «своя», особая война.

— В ваших выступлениях вы всегда отстаиваете точку зрения, что современная

«Война и мир» еще не написана.

— Да, действительно. И будет это, вероятнее всего, еще не скоро. И чем больше мы, военные прозаики, расскажем о войне, тем больше фактов, деталей, мельчайших подробностей военного быта сохраним в своих книгах для будущих поколений. Ведь настанет время, когда умрет последний участник войны. Вспомните стихотворение С. Орлова о маршале, не видевшем этой войны.

— Ваши произведения опираются на конкретные факты?

— Свои сюжеты я не придумываю. И считаю, что выдумывать не надо. Вся жизнь нашего поколения настолько насыщена событиями, что сами по себе они представляют неисчерпаемый источник для творчества. Война — это такая вещь, в которой нет смысла что-либо изобретать. Все, что у меня написано, это так и было.

— Расскажите о вашем «Сашке». Не наголодали ли вас к его написанию стихи-

творение А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом»?

— Замысел «Сашки» возник у меня давно, а написана повесть была в 1974 году и пять лет пролежала в редакции «Нового мира». Лишь в 1979 году она была напечатана в журнале «Дружба народов» с предисловием К. М. Симонова, который очень помог мне. К созданию «Сашки» меня толкнул сам Ржев, а не стихотворение Твардовского. Мне кажется, что Сашка удался, получился обаятельный, не плакатный герой, имеющий свой взгляд на войну, он самобытен, внутренне интеллигентен.

Первоначальный вариант повести у меня сильно отличался от оригинала. Начал я писать «Сашку» с середины, с его ранения, а заканчивал так: в медсанбате он совершенно случайно погибает. Но когда я это написал, то понял, что не то, такой финал лишен реальной основы.

— Сейчас вами написано уже несколько повестей и рассказов. Можете ли вы выделить общие, типологические черты «кондратьевского» героя?

— Это, прежде всего, обостренное чувство совести, неуспокоенность, внутренняя интеллигентность, человечность.

— Есть ли в ваших героях автобиографические черты?

— Да, есть. Но автобиографичность скорее в фактах, а не в характерах ге-

роев. Например, я так же, как и герой «Отпуска по ранению», в 1942 году приезжал в Москву. Но что касается характера, то он у меня совершенно другой.

— Имел ли место в действительности «случай с немцем», описанный в «Сашке»?

— Да, об этом мне на фронте рассказывал один боец — ему дали несправедливый приказ: застрелить сдавшегося в плен немца, и он вынужден был его выполнить, а потом долго переживал. Мой Сашка, как вы помните, поступает по-другому.

— В поэзии солдату-пехотинцу «поставлен» памятник — поэма А. Твардовского «Василий Теркин». И вот сейчас критики говорят, что «Сашка» заполнил этот пробел в прозе. Не повлиял ли Теркин на вашего героя? Что их сближает?

— Нет, поэма Твардовского прямого влияния на меня не оказала. Теркин — это в какой-то мере былинный герой. А мой Сашка — обыкновенный, простой русский солдат, каких было миллионы. Хотя на одной из встреч читательница высказала следующую мысль, что Сашка напоминает ей сказочного героя, который может сварить и суп из топора, и спасти красную девицу, и т. п. Сближает Теркина и Сашку, наверное, то, что это русские характеры, в основе которых лежит народное начало.

— Как вы относитесь к

постановке ваших произведений в театре, к их экранизации?

— По повести «Сашка» режиссером Суриным создан фильм, которым в целом я доволен: прекрасно подобран актерский ансамбль. Сейчас на студии им. Довженко собираются делать фильм по трем рассказам. Кроме того, режиссер В. Меньшов хочет поставить «Отпуск по ранению», не знаю, что из этого получится. Что касается театральных постановок, то здесь я большого удовлетворения не получаю. Например: в театре имени Моссавета финал «Сашки» мне совсем не ясен, сцена с немцем психологически не оправдана, нет постепенного нарастания действия. В театре на Малой Бронной идет «Отпуск по ранению», где не подходят исполнители некоторых ролей. Конечно, при постановке прозаическое произведение всегда что-то теряет. И лишь по-настоящему меня порадовало спектакль, поставленный драмтеатром в Воронеже по моей новой повести «Дорога в Бородухино».

— Какие новые ваши произведения мы увидим в ближайшее время?

— В 1985 году в серии «Библиотека «Дружбы народов» будет выпущена моя вторая книга, куда войдут повести «Дорога в Бородухино», «Житье-бытье», «Встречи на Сретенке» и другие.

— Останетесь ли вы верны военной теме?

— Да, конечно. Даже если действие в моих произведениях происходит в мирное время,

24 ИЮНЬ 1985

ВАСИЛИЙ ТЕРКИН